На стр. 35—36 нужно было бы четко указать, где говорится о сценках, которые разыгрывались людьми, изображающими поводыря и медведя, и где описывается представление, даваемое живым ученым медведем и действительным его вожатым. Это имеет большое значение, так как выступление с настоящим зверем — не ряжение и не обрядовая игра, а чистейший театр. Медведчики — разновидность бродячих профессиональных актеров (они закономерно превратились потом в цирковых артистов), к искусству которых надо подходить с иными мерками.

Рассказывая о драматических играх и сценках с общественно-бытовой тематикой, Н. И. Савушкина пишет: «Среди массовых сцен встречаются и изображения различных общественно-административных действий: ревизии, суда, рекрутского набора, церковной службы. В этих случаях юмористическое начало уступало место сатире» (стр. 60).

Думается, такое утверждение слишком категорично. Есть разница (и большая) между поздней сценкой типа «Мнимый барин», остросоциальный характер которой первичен и изначально задан и где пародия по существу одновременно и сатира, с одной стороны, и древним комическим разыгрыванием церковной службы — с другой. Во всяком случае, тот пример «службы неграмотного попа», который приведен на стр. 60—62, не является сатирическим разоблачением поведения попа. Это та разновидность народной, средневековой пародии, о которой писали М. М. Бахтин и на русском материале Д. С. Лихачев, с ее стремлением к выворачиванию наизнанку всего привычного, официального, высокого, серьезного, с ее универсальностью смеха, направленного на все и на всех. В этом смысле пародирование церковной службы русскими ряжеными чаще всего стоит в одном ряду с пародийными же свадьбами, похоронами, судами, комическими, веселыми по своей сути, но в зависимости от времени и ситуации включающими в себя элементы сатиры.

Особо хочется отметить наличие в книге последней главы — «Народный театр в городе и его виды. Скоморохи. Кукольный театр. Балаган. Раек». Хотя она носит явно реферативный характер и не все виды городских театрализованных увеселений даны в ней, да и по объему глава эта до обидного мала, включение ее в книгу надо признать заслугой автора, обратившего внимание читателя на по существу еще совсем неразработанную область народной городской культуры.

Сравнительно небольшое заключение не столько завершает работу Н. И. Савушкиной, сколько наводит читателя на размышления о судьбах театральной фольклорной культуры в наше время, о связи ее с самодеятельностью, с попытками продлить или оживить исчезающие традиции. И это — еще одно положительное качество книги.

Закрывая последнюю страницу книги Н. И. Савушкиной «Русский народный театр», хочется пожелать автору дальнейшей плодотворной работы над интереснейшей областью русского народного искусства, а книге — хорошего, вдумчивого, заинтересованного читателя.

А. Ф. Некрылова

Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки. Саранск, 1975, 432 стр.

Мордовские фольклористы проделали большую работу по собиранию и изучению произведений национального фольклора. За последние 15 лет в Мордовии издано 10 книг из восьмитомной серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (некоторые тома состоят из двух книг), содержащих публикации текстов эпических и лиро-эпических песен (1963), лирических песен (1965), мокшанских (1966) и эрзянских сказок (1967), пословиц, присловий и поговорок (1967), загадок (1968), частушек (1969), эрзянской (1972) и мокшанской свадебной поэзии (1975), эрзянских причитаний-плачей (1972); вышли в свет также «Избранные труды» М. Е. Евсевьева в 5-ти томах (1961—1966); написаны монографические исследования по эпической песне, сказке, паремиологическому творчеству; опубликовано много статей по различным вопросам теории и историографии мордовского фольклора, а также о его связях с устно-поэтическим творчеством других народов. Это позволило создать реальную базу для написания сводного исследования историко-теоретического характера. Первой такой работой являются рецензируемые «Очерки».

Книга подготовлена коллективом сотрудников сектора фольклора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Книга состоит из трех частей: «История собирания и изучения мордовского фольклора», «Жанры мордовского фольклора» и «Фольклор в творчестве мордовских сказителей и писателей».

Открывается книга кратким предисловием ответственного редактора сборника Э. В. Померанцевой, знакомящим с содержанием и авторами коллективного труда и

раскрывающим отличительные особенности формирования и развития мордовской фольклористики.

Первая часть сборника написана одним из старейших мордовских фольклористов советского времени К. Т. Самородовым. Автор внимательно прослеживает длительную историю собирания и изучения фольклора мордвы. Он справедливо намечает три основных ее периода: I — со второй половины XVIII века до 80-х годов XIX века; II — с 80-х годов XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции; III — с 20-х годов XX века до настоящего времени. Каждому из этих периодов присущи свои особенности, поскольку собиратели и исследователи — носители определенных идейно-теоретических концепций. Богатый историографический материал подробно освещен и критически оценен К. Т. Самородовым. Представляются лишь несколько излишне категоричными суждения о системе мордовской мифологии, высказанные П. И. Мельниковым-Печерским в «Очерках мордвы»[1]. К. Т. Самородов вслед за И. Н. Смирновым[2] возражает П. И. Мельникову-Печерскому, считавшему, что мордовские божества и духи-покровители, подобно персонажам греческой мифологии, находились, согласно народным представлениям в определенном родстве между собой.

Материалы по мордовской мифологии в принципе не дают оснований отрицать «систему» П. И. Мельникова, однако некоторые ее положения сомнительны. Прежде всего, сомнительно имя *Анге-патяй*, которое, по мнению Мельникова, означает богиня-мать. Имя это записано от сильно обрусевшей мордвы, которая легко могла его исказить. Такие примеры нам известны, поэтому «система» П. И. Мельникова нуждается в глубоком анализе и тщательной проверке.

Вторая, основная, часть сборника, включает очерки по обрядовой поэзии, паремическому творчеству, эпической поэзии, народной лирике, детскому фольклору.

Обрядовой поэзии посвящены очерки К. Т. Самородова «Виды обрядовой поэзии» и «Календарно-обрядовая поэзия», А. Г. Борисова «Свадебный обряд и поэзия», Л. С. Кавтаськина «Мордовские причитания и плачи».

Каждый из этих очерков — итог многолетнего изучения автором того или иного жанра, длительных наблюдений над его бытованием. Все явления фольклора рассматриваются авторами в развитии, в плане сравнительно-исторического изучения устно-поэтического творчества.

Несомненный интерес для паремиологов представляют очерки К. Т. Самородова «Пословицы» и «Присловья». В них ставится и решается ряд важнейших вопросов теории афористического творчества,— рассматриваются изречения и речения, как основные виды паремического творчества, дается научно-тематическая классификация пословиц и поговорок. В очерке Л. С. Кавтаськина «Мордовские причитания и плачи» содержится уникальный материал о связи свадебных причитаний с похоронными, дается описание обычая разыгрывать свадебный обряд после смерти девушки, не успевшей при жизни выйти замуж. Очерки А. И. Маскаева («Сказки», «Эпические песни») содержат обширные сведения о глубоких генетических связях мордовского фольклора с фольклором других финно-угорских народов и об их типологическом сходстве с русским устным поэтическим творчеством. Особый интерес представляют очерки А. Д. Шуляева «Песни» и Э. Н. Таракиной «Колыбельные песни, прибаутки, сказки, загадки, заклички, приговорки, колядки, дразнилки, считалки, потешки». Это первая серьезная попытка анализа названных жанров. В каждом очерке дается жанрово-видовая и тематическая классификация произведений, анализируются их идейные и художественные особенности, раскрываются их взаимосвязи с фольклором соседних народов.

Третья часть сборника состоит из двух очерков «Мордовское советское сказительское творчество» (И. К. Инжеватов и Л. С. Кавтаськин) и «Народно-поэтические традиции и мордовская литература» (А. Г. Борисов).

Изучение взаимоотношений коллективного и индивидуального начал в фольклоре, творчества выдающихся сказителей и исполнительского мастерства сказочников и песельников, влияния фольклора на развитие письменной литературы — всегда находились в центре внимания мордовской фольклористики. Это определяется практикой современной молодой мордовской литературы, опирающейся на опыт народного творчества.

В книге «Мордовское народное устно-поэтическое творчество» подводится итог той огромной собирательской и исследовательской работы, которая проделана мордовскими фольклористами за последние 50 лет. Как и всякое научное исследование, рецензируемая работа не только подводит итоги сделанному, но и ставит перед исследователями новые проблемы, в частности, говорит о необходимости собирания и изучения несказочных жанров устной прозы, мордовского рабочего фольклора советской эпохи, мифологии.

А. М. Шаронов

---

[1] *П. И. Мельников.* Полное собрание сочинений, т. 12, М., 1893.
[2] *И. Н. Смирнов.* Мордва. Казань, 1895, с. 268.